

Глава 61

У Ван Сяоцзю сыну тоже исполнилось три года. Глядя на Гуай-цзая, он с сомнением покачал головой:

— Брат Фан, твоему малому и впрямь три? — Он приложил ладонь к макушке мальчика, прикидывая рост. — Что-то не верится... Мой-то будет побольше... чуть ли не на целую голову выше.

Сяоцзю хотел было сказать «коротышка», но вовремя прикусил язык, почуяв, что это прозвучит слишком обидно.

Фан Цзычэнь всё понял без слов. Он сощурился и, погладив сына по голове, процедил:

— Много ты смыслишь! Моё сокровище просто копит силы для мощного рывка. Сейчас он мал, но это лишь временное затишье.

Остальные ребята тут же окружили мальчишку, наперебой расхваливая его миловидность и пичкая всякими вкусностями. Малыш, непривычный к такому бурному вниманию, застеснялся и уткнулся личиком в плечо отца, оставив на виду лишь огромные, как плоски, глаза. От этого он стал выглядеть ещё трогательнее.

Когда толпа наконец разошлась, мальчик чинно уселся на табурет и принялся лущить арахис. Цзычэнь сидел напротив, пытаясь сосредоточиться на книге, но мысли его то и дело ускользали.

Всю свою прошлую жизнь он провел в стенах учебных заведений, был в семье младшим и с детьми дела практически не имел. О том, как должен выглядеть и вести себя нормальный трёхлетка, он имел весьма смутное представление. И теперь его грызли сомнения.

«Неужели он и правда такой низкий?»

Обоим по три года, а сын Ван Сяоцзю выше его сокровища на целую голову?! Не слишком ли это большое различие?

Отец попытался сравнить сына не с отпрыском «зажиточного» Сяоцзю, а с кем-то в равных условиях. Если поставить Гуай-цзая рядом с Лю-лю, то его макушка едва доставала тому до мочки уха.

Он пристально уставился на сына. Малыш, заметив на себе взгляд, качнул короткими ножками и, подавшись вперед, протянул ему очищенное ядрышко:

— Отец, на, скусяй. Гуай-цзай сам солушил, они сладенькие-сладенькие!

Этот маленький «согреватель сердец» умел растопить любую тревогу. Мужчина улыбнулся, съел угощение и не удержался — снова поцеловал сына.

«Ладно, пусть будет коротышкой! В конце концов, может, он пошел в меня?»

Цзычэнь вспомнил своё детство: он тоже долго не рос, всегда был самым маленьким среди сверстников. С трех до семи лет он прибавил всего девять сантиметров. Его приёмная мать тогда не на шутку перепугалась, решив, что у него карликовость, и потащила по врачам. Но обследование показало, что он абсолютно здоров.

А потом, когда ему исполнилось двенадцать, его словно начали поливать химикатами и удобрять лучшим навозом — рост попер так, что не остановить. Сейчас ему восемнадцать, и в нём уже метр восемьдесят три. В любой толпе он возвышается над остальными, словно журавль среди стаи кур.

Впрочем, сыну нельзя давать фору конкурентам уже на старте.

«Сегодня после смены надо будет заглянуть к мяснику, купить костей для бульона. Заодно договорюсь о постоянных поставках потрохов и крови»

Он посадил мальчика на колени и, раскрыв книгу, принялся учить его грамоте.

Официанты, наблюдавшие за этой сценой издали, лишь сокрушенно качали головами. На это просто невозможно было смотреть без улыбки. За то время, пока догорала палочка благовоний, Фан Цзычэнь поцеловал сына девять раз, а Гуай-цзай в ответ чмокнул его все десять.

Они словно затеяли игру: кто кого перецелует. И не боялись ведь кожу на щеках до дыр протереть!

Брату Фану всего восемнадцать, а он так балует ребёнка... Словно какой-нибудь семидесятилетний старик, который одной ногой уже в могиле, а на старости лет вдруг сподобился на наследника и теперь души в нём не чает.

Хотя, глядя на мальчишку, было трудно не признать: малыш и впрямь был чудо как хорош.

Когда пришёл Ян Минъи, Гуай-цзай как раз хлопал в ладоши и радостно вопил:

— Отец, ты такой умелый! Гуай-цзай тебя хвалит! Дай поцелую!

Гость замер на пороге. Фан Цзычэнь поднял взгляд:

— Пришёл?

Ян Минъи, как всегда немногословный и статный, лишь коротко кивнул:

— Угу.

Малыш уставился на него, а Минъи — на мальчика. Между ними словно возникло какое-то странное энергетическое поле. Они рассматривали друг друга во все глаза. Один — с огромными, любопытными глазищами, другой — с узким, изящным «фениксовым» взором.

Один моргнул — другой моргнул в ответ. Время и весь мир вокруг словно застыли.

Фан Цзычэню стало смешно. Со стороны это выглядело так, будто пара тайных влюбленных обменивается многозначительными взглядами через толпу, посылая друг другу немые знаки.

Он легонько ущипнул сына за щеку:

— Сын, это брат Ян. — Сказал и тут же осекся.

Если Ян Минъи зовет его «братом», а Гуай-цзай тоже будет звать его «братом», то они с сыном окажутся на одной ступени иерархии?

— Нет, не так. Это дядя Ян.

Гуай-цзай вежливо поздоровался:

— Ян-чжу!

Фан Цзычэнь: «...»

«Ян-чжу? Хрюша Ян?! Да я тогда почвенная свинья!»

— Дядя Ян (Ян-шу), а не Ян-чжу.

— Ага, — Гуай-цзай важно кивнул, его личико стало серьезным и сосредоточенным. — Понял, Ян-чжу, а не Ян-чжу.

Фан Цзычэнь: «...»

Когда он звал Чжоу-гэра, у него всё получалось правильно.

— А ну-ка, смотри на меня. Давай, повтори четко: дядя Ян.

Мальш озадаченно посмотрел на отца:

— Дядя Ян.

На этот раз получилось идеально. Видимо, ему нужно произносить слова по отдельности, чтобы не путаться в звуках. Сын еще мал, он плохо различает шипящие и свистящие, но это всё же лучше, чем заикание. Цзычэнь вспомнил того утреннего мальчишку — если бы его ребенок заговорил так же, он бы с ума сошел от беспокойства.

Мужчина повернулся к Ян Минъи:

— Будем заниматься здесь или поднимемся наверх?

В общем зале было слишком шумно, да и любопытные взгляды посетителей мешали. Минъи, нахмурившись, ответил:

— Наверх.

Его лицо оставалось холодным и бесстрастным, а сама аура словно кричала: «Не подходи, убьет». Обычно такие люди заставляют окружающих держаться на почтительном расстоянии.

Но Гуай-цзай, похоже, совершенно его не боялся. Он подбежал к юноше, и тот на мгновение застыл, не зная, что делать. Маленькая, теплая и мягкая ручонка обхватила его указательный палец. Ян Минъи опустил взгляд.

Мальчик лучезарно улыбнулся ему:

— Ян-чжу!

Выражение лица Минъи стало весьма странным. В поместье семьи Ян не было детей такого возраста, а кузены и кузины никогда не стремились с ним играть, так что сейчас он совершенно растерялся. Фан Цзычэнь прикрыл рот ладонью, сдерживая смех, и, по-военному кашлянув, поправил:

— Сын мой, это дядя Ян!

— Отец, я снаю. Это Ян-чжу.

Цзычэнь лишь безнадежно махнул рукой. Ян Минъи же с каменным лицом произнес:

— Ничего страшного, пусть зовет как хочет. Если он зовет меня свиньей, это еще не значит, что я ею стал.

Фан Цзычэнь: «...»

«А логика у тебя, парень, весьма неординарная»

Поднявшись на второй этаж, Цзычэнь на секунду вернулся к лестнице и крикнул управляющему:

— Дядя Ян, когда придет мой фулан, позови меня!

Тот даже головы не поднял:

— Позову.

— А ты хоть помнишь, как он выглядит? — засомневался Цзычэнь.

Он уже хотел было начать описание, но один из официантов перебил его, цитируя его же старые слова:

— Брат Фан, не переживай! У супруга глаза огромные, губки розовые, пухлые, красота неопиcуемая! Мы его за версту узнаем!

Зал взорвался хохотом. Фан Цзычэнь в шутку замахнулся на шутника:

— Сгинь!

Ступеньки деревянной лестницы были довольно высокими — истинное мучение для тех, кто не вышел ростом. Гуай-цзай заметно притомился, карабкаясь наверх, но не жаловался, лишь натруженно сопел.

Минъи привел его в комнату. Мальчик вскарабкался на табурет напротив него и притих, время от времени украдкой поглядывая на юношу. Собеседник терпел-терпел, а потом всё же не

выдержал и посмотрел в ответ. Гуай-цзай тут же расплылся в улыбке:

— Ян-чжу, ты такой клясивый.

Подобные похвалы Ян Минъи слышал не раз, но из уст трёхлетнего ребёнка это звучало в новинку.

— А ты хоть знаешь, что такое «красивый»?

— Снаю, — важно подтвердил мальчик. — Вот как я — это и есть клясивый.

Минъи поджал губы, пытаясь скрыть едва заметную усмешку:

— И кто же тебе это сказал?

— Отец сказал. Он говорит, что Гуай-цзай — самый клясивый малыш на свете.

Раз уж Цзычэнь взял деньги и согласился на обучение, к делу он подошел со всей серьезностью. В этом мире не знали арабских цифр, счета велись иероглифами, которые были чертовски сложными в написании.

Когда молодой человек помогал управляющему Яну сводить счета, суммы там были немалые — сотни лянов, тысячи медяков. Пока управляющий только выводил иероглифы, Цзычэнь уже в уме подбивал итог.

Пока он обучал Ян Минъи, Гуай-цзай вел себя тише воды, ниже травы. Мальчик сидел рядом, не проронив ни звука и не мешая взрослым. На столе стояла тарелка с пирожными, и Минъи протянул одно ему.

Тот взял угощение и просиял:

— Спасибо, Ян-чжу!

Минъи был гэром и уже достиг того возраста, когда следовало избегать двусмысленностей, поэтому дверь в комнату оставалась открытой. Фан Цзычэнь, войдя, лишь разок погладил сына по голове и больше не сказал ему ни слова наставления. Видимо, мужчины в таких делах более беспечны. Ян Минъи помолчал немного, а потом всё же склонился к мальчику и тихо прошептал:

— Ты только никуда не убегай, хорошо?

В «Башне Пьяной Ночи» всегда многолюдно, ребенка потерять — пара пустяков.

Гуай-цзай, вгрызаясь в пирожное, кивнул:

— Я снаю. Я от отца никуда не уйду.

Он протянул надкушенное лакомство Цзычэню. Сын считал это величайшей ценностью: в прошлый раз Чжао-гэр приносил такие домой, и они были необычайно вкусными.

— Отец, на, скушай.

Отец покачал головой и нежно ущипнул его за щеку:

— Ешь сам, маленькое прожорство.

Ян Минъи слушал очень внимательно. Он был умен и схватывал всё на лету. Незаметно пролетело полчаса. Гуай-цзай не капризничал, но, наевшись сладостей, разомлел и захотел спать. В комнате стояла кушетка для отдыха. Получив разрешение, Цзычэнь перенес сына туда и принялся обмахивать его книгой, словно веером.

— Сяо Фанцзы! — позвал его от двери управляющий Ян. — Чжао-гэр пришел.

<http://bllate.org/book/15357/1435043>